

Борис Исаакович ЗИНГЕРМАН

Борис Исаакович Зингерман никогда не занимал никаких официальных постов, ничем не руководил и никем не командовал. В российской науке об искусстве он был тем, кого принято называть "неформальным лидером". Его коллеги, театральные критики, историки театра, люди иронические, не слишком склонные доверять авторитетам, к мнению Зингермана прислушивались с величайшим уважением, а то и с ученическим восторгом, его одобрения искали, от его похвал, обычно скупых, буквально расцветали. Можно сказать, что для людей театра — и теоретиков, и практиков — слово Зингермана было законом. Когда на шумных и многоречивых театральных дискуссиях говорить начинал Зингерман, тут же наступала сосредоточенная тишина: все знали, что услышат нечто очень значительное, и ни разу не обманулись. Впрочем, Зингерман редко появлялся на театральных собраниях, поскольку терпеть не мог пустой околокулисной суеты. Он вообще не был "светским человеком", при том, что был человеком прелестно компанейским. Когда в скромной, до отказа набитой книгами квартире Зингерманов на Никитской собирались его друзья, бывало, что стены содрогались от хохота.

Мало что в театральной науке XX века можно поставить рядом с идеями, рождавшимися в этой квартире за потертым письменным столом Зингермана.

Главным предметом его научных штудий была судьба искусства XX века в ее, этой судьбы, разномыслии и в ее сущностном единстве. Он писал о шекспировских постановках Брука и о фильмах Висконти и Феллини, о Лоренсе Оливье и Марке Шагале, о Пикассо и Брехте, Пиранделло и Мейерхольде, Чаплине и Любимове. Его работы о драмах Чехова стали классикой русского чеховедения.

Зингерман писал об искусстве, вернее, о разных искусствах нашего столетия, о сложнейших формальных исканиях современных художников, но всегда имел в виду

переданную в искусстве историю современного человека, его жизнь, его судьбу, которая то и дело становилась участью.

Как бы далеко в сторону Зингерман ни уходил от театра, всякий раз он к нему возвращался. Он начал как театральный критик и эссеист, один из идейных вождей журнала "Театр" 60-х годов, средоточия молодой вольнодумной интеллигенции тех лет. Последняя большая статья Зингермана, ставшая непредумышленным итогом его научного творчества, была посвящена итогам развития сценического искусства XX века.

Зингерман занимался по преимуществу изучением западной культуры. Но по сути он всегда оставался человеком российского театра. Главной точкой опоры его концептуальных конструкций, почвой всей его личности было искусство Художественного театра, Станиславского, великих мхатовских стариков, которых гитисовцы его поколения еще застали в пору своей юности.

Принято говорить: человек ушел от нас, но остались его книги, его ученики, память о нем. Без сомнения, это так. Но что мы, его коллеги и друзья, потеряли навсегда — это счастье видеть его, общаться с ним, по мере сил учиться у него, это благодарное сознание того, что рядом живет выдающегося ума, таланта и душевной грации человек, само существование которого делает жизнь в нашей странной науке устойчивее и надежнее. Мы привыкли приходить к нему со всеми нашими делами, нагружать его своими заботами; кто, как не мудрый, всезнающий Зингерман, говорили мы себе, может распутать любые наши жизненные и профессиональные узлы, разрешить все наши противоречия. Мы не щадили его времени, его сил, давно уже подточенных многочисленными недугами, не понимая, вернее, не желая понимать всей степени своего эгоизма. Теперь остается запоздало просить у него прощения.

Алексей БАРТОШЕВИЧ

Курьера. — 2000. — 23-29 ноября. — С. 2